

Н. А. Балюк

КРЕПОСТЬ СВЯТОГО СЫНА

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

ден в Пронск, откуда под Шашк из-за вторжения ногайцев. В 1587 г. усмирят взбунтовавшихся черемисов. В 1591 — воевода в Царицыне. 6 февр. 1597 направлен воеводой в Тобольск, где пробыл до 1599. За время тобольского воеводства **Б.** рус. удалось достичь значит. успехов в Сибири. Было нанесено серьезное поражение хану Кучуму. В сборе ясака с нерус. народов **Б.** проявил своеволие и заслужил неудовольствие царя. Новым воеводам предписывалось провести расследование его незаконных действий. В 1601 —

Западносибирский воин I в. до н. э.
Реконструкция

Традиционно датой основания города Ханты-Мансийска считается 1637 г., когда в устье Иртыша возникло русское поселение — Самаровский ям. Но правомерно ли такое летоисчисление? Не логичнее ли рассматривать проблему с позиций исторической преемственности, учитывая, что в этих местах задолго до прихода русских бытовала древняя цивилизация обских угров?

В русских сибирских летописях XVII в. содержатся упоминания о том, что в месте слияния Оби и Иртыша издревле располагалось главное святилище ханты и манси — «Великий съезд», где находился Белогорский идол — верховное божество Мир-суснэ-хум («старик Обской»). О «единой кумирне в Белогорских юртах» писал и Г. И. Новицкий — выпускник Киево-Могилянской академии и автор «Краткого описания о народе остяцком» (1715). «...Старик Обский сей, — сообщал этот ссыльный мазепинский полковник, который состоял в Кондинской (Кодской) волости надзирателем за исполнением новокрещеными остяками христианских обрядов и не мог не знать о святилище уже по долгу службы, — имеюще свое хранилище на усть Иртыша недалеко Самарова града бысть же сей по их поверию бог рыб...». По сведениям Новицкого, в эту кумирню перед началом рыболовного сезона местные жители приносили Верховному божееству жертву с надеждой, что это будет способствовать успешной заготовке рыбы. В жертву приносили самую лучшую рыбу — нельму из первого улова: «...сваривше сию прежде, сытостию уста и носъ идолу сему змазуютъ, прочая же сами снедаютъ; снадше, по обычаю своему, вместо благодарения палками мещуть в воздухъ, его же приемлють съ честью, аки бы что достойно приноситься изъ кумирни до другия кумирницы, провождающе же различная /.../ творять гралища». В случае, если после жертвенного обряда рыбакам не сопутствовала удача, виновным считали идола. «Егда же на первом ловлении не обрящутъ рыбы вскоры, возвращаются съ премногим ругательством, нападая на нь (т. е. идола) укарають ... вервою оцепивше, влекутъ его во всея бесчестная места, попирая всякъ ногами и оплевая его, и дотолѣ въ семь содержать бсчестии, донеле же половъ рыбный начнетъ исправлятися...»

Свое святилище местные народы называли Тунг-пош-вош, что означало — «Крепость святого сына». Выбор места для расположения Верховного идола был не случаен. Мир-суснэ-хум, смотрящий за миром, должен был оберегать все прилегающее водное и жизненное пространство. Кумирня, ввиду ее сакральной значимости, тщательно утаивалась от сторонних глаз мно-

гочисленных путешественников и торговцев. О бытовании в среде остяков практики утаивания святилищ сообщал «отец сибирской истории» Г. Ф. Миллер, пытавшийся выяснить местонахождение легендарной «Златой бабы»: «... я расспрашивал про нее тамошних остяков и самоедов, но ничего не узнал. Достоверно лишь то, что белогорские остяки имели знаменитого шайтана, от имени которого делал предсказания приставленный к нему шайтанщик. Вероятно также и то, что при приближении казаков шайтанщик тщательно укрыл свою святыню и посоветовал остякам также спрятаться от казаков...»

Возможно, именно этим обстоятельством можно объяснить отсутствие в более ранних (до XVII столетия) источниках каких-либо сведений о «Крепости святого сына», несмотря на многочисленные свидетельства о развитой в этих местах транзитной караванной торговле.

Русский востоковед-тюрколог и этнограф В. В. Радлов считал, что уже в I тыс. н. э. по Иртышу и Оби проходил путь для торговли со странами Передней Азии. В. А. Могильниковым было доказано проникновение в эти места в начале II тысячелетия торговцев из Волжской Булгарии. Н. П. Матвеева, исследуя археологические памятники саргатской культуры второй половины I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э., пришла к выводам о распространении в подтаежном Тоболо-Ишимье предметов дальнего импорта, о существовании караванных путей, связывающих местное население с районами Приаралья и озером Балхаш. Иными словами, современными археологами была доказана караванная связь Среднего Прииртышья с районами Средней Азии и подтверждена мысль известного исследователя края В. Н. Чернецова о том, что через Прииртышье осуществлялось влияние южных культур на культуру Нижнего Приобья.

В середине II тыс. н. э. в Нижнем Прииртышье и Северном Приобье было довольно много укрепленных городков. Наиболее ранние сведения о возникновении здесь постоянных поселений археологи датируют эпохой бронзы. По утверждению Л. Р. Кызласова, «городская цивилизация» автохтонного сибирского населения, «по археологическим данным, зародившаяся еще в бронзовом веке (во всяком случае, в середине II тыс. до н. э.), просуществовала до русского завоевания, и ее последний заключительный этап отражают свидетельства XVII в.». Однако даже слабых следов существования в период до конца XVI в. угорского городка в месте слияния Иртыша и Оби не обнаружено.

Было бы неверным утверждать, что отсутствие здесь в течение столь долгого времени постоянного поселения было обусловлено только религиозными мотивами — стремлением аборигенов укрыть Белогорское святилище от глаз пришлых людей. Выбор конкретного места под поселение определялся в небольшой мере еще и особенностями жизненного уклада коренных народов с характерной для него сезонной промысловой мигра-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

воевода в Михайлове. В 1603 получил приказ идти с ратными людьми в Медынь для поимки разбойников. В 1604 — воевода в Рязани, потом в Терках, а с 1606 был в Москве, откуда вместе с Г. Ф. Образцовым послан Лжедмитрием в Кириллово-Белозерский мон. сопровождать царя Симеона Бекбулатовича и присутствовать при его пострижении. В 1607 — воевода в Осколе, где был захвачен и замучен самозванцем Лжепетром (Илья Коровин, терский казак, один из рук. восстания И. И. Болотникова).
Ист.: Разрядная книга 1476–1598. М., 1966. Лит.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском гос-ве XVI–XVII вв. М.,

**Западносибирский
воин VII в.**

Реконструкция

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

1937; Коньков Н. Л. *Тобольские воеводы конца XVI – начала XVII в. М., 2001. С. 66–68;* Миллер Г. Ф. *История Сибири: В 5 т. / Пер. с нем. Предисл. Е. П. Батяновой, С. И. Вайнштейна. 2-е изд. М., 1999. Т. 1. С. 292;* Миллер Г. Ф. *Описание Сиб. царства. М., 1998. Т. 1. С. 242.*
**К. А. Анкушева,
В. Ю. Софронов**

**Бой богатырей
Эмдера и Кара-
поспат-воша под
Самаровой горой**
Реконструкция

цией. На это еще в XVIII в. обратил внимание Миллер: «...отдаленность святилища, главного места в Белогорской волости, где стоял шайтан, от Кодских поселений и волостей объясняется тем, что остяки обычно очень редко остаются на реке Оби весной и переезжают внутрь страны на многочисленные находящиеся там озера. Эти озера соединены протоками с Обью и во время половодья получают от нее в изобилии воду. Занимаясь ловлей рыбы, зашедшей сюда для метания икры, остяки имеют здесь прекрасную пищу».

Местные жители — рыболовы и охотники — издавна были втянуты в процесс торгового обмена. Наиболее раннее упоминание о торговых связях остяков, живущих вблизи устья Иртыша, датируется X–XI веками. Свидетельством их торговли с арабами является найденное археологами в районе Самарова (у впадения Иртыша в Обь на широте 60° 40'') металлическое зеркало с арабской надписью эпохи Халифата Аббасидов. Арабский ученый XII в. Закария Казвини приводит любопытные сведения об особенностях бытующей здесь в те времена бесконтактной меновой торговли: «...жители Болгара привозят на Югру свои товары и торгуют ими. Прибывшие в эти места караваны обычно дают знать о своем появлении. Затем они отправляются к месту, специально отведенному для купли-продажи. Там каждый кладет свой товар, снабдив его меткой, и возвращается к месту стоянки каравана. Туземцы приближаются, кладут рядом с товарами шкурки ласок и лис, а также другие меха и вновь удаляются. Затем купцы возвращаются, и те из них, которые довольны предложенным в обмен товаром, забирают его с собой. Те же, кто недоволен, оставляют шкурки нетронутыми, и торговые переговоры продолжаются подобным образом, пока обе стороны не приходят к соглашению...»

Повествуя о торговле и традиционных занятиях аборигенов Югры, восточные средневековые авторы XII–XIV вв. не упоминают ни о чем похожем на постоянное поселение угров в месте слияния Оби и Иртыша. Вряд ли такое стало бы возможным, если бы это поселение существовало. Не добавляют ничего в пользу такой версии и русские источники XV и большей части XVI веков.

Известно, что Московское княжество вступило в борьбу за Югру в XV веке. В 1483 г. московские войска впервые перешли Уральские горы и воевали «югорских» и «кодских» князей. Отряд во главе с князем Ф. Курбским-Черным и Иваном Салтык-Травиным прошел по «Иртышу реце на Обь реку великую в Югорскую землю». Согласно шертной грамоте от 1484 г. в Приобье в это время

правил «князь большой Молдан»; по нижнему течению Оби, от устья Иртыша до моря, правили: «кодский князь Ичигей, казымский князь Цынгол-мурза, ляпинский князь Яугуй и обдорский князь Василий». Из этих правителей необходимо выделить кодского князя Ичигея, так как территориально Кодские городки (Кодская волость) были максимально приближены к исследуемой нами территории. В XV в. территория Приобья включала пять основных княжеских конфедераций — Ляпинскую, Казымскую, Обдорскую, Кодскую и Белогорскую. На реке Оби ратники пленили «большого» угорского князя Молдана и двух сыновей князца Екмычая. Это вызвало переполох среди угорской знати. В 1484 г. ее представители явились в Москву с челобитьем и обязались Ивану III ежегодно поставлять дань с подвластного им населения.

В 1499–1500 гг. отряды С. Ф. Курбского-Черного и П. Ушато-го, продвигаясь по низовьям Сев. Сосьвы и Нижней Оби, захватили 42 городка, а общим результатом этого большого похода стало взятие 83 городков. Вместе с тем, в письменных источниках о походе нет сведений о том, какие именно городки были захвачены и где конкретно они находились. Нет прямых упоминаний о каком-либо постоянном поселении в интересующем нас месте и в других русских документах эпохи. Так, в Погодинском летописце сведения о месте слияния Иртыша и Оби ограничиваются одной фразой: «...А река Иртиш пала в реку Обь великую ниже урочища Самаровых гор единым плесом...». Не вносит полной ясности в этот вопрос и «Русский дорожник» (начало XVI в.). О месте слияния Иртыша и Оби в нем сообщается только следующее: «...если подниматься от Обской крепости по реке Оби к устью реки Иртыша, в которую впадает Сосьва, то это займет три месяца пути. В этих местах находятся две крепости: Ером и Тюмень, которыми владеют господа князья югорские». Очевидно, что весьма расплывчатое «в этих местах» не дает серьезных оснований для географической «привязки» ни одного из упомянутых городков к определенному месту.

Впервые официально поселение, возникшее в месте слияния Иртыша и Оби, упоминается в летописных источниках с конца XVI в. (под 1582 г.). В эти годы оно было известно как городок князя Самара. Для сооружения городков обычно выбирали самые труднодоступные места: речные мысы, острова или сопки. Это были хорошо укрепленные постоянные поселения, обнесенные валом и частоколом. Городки выполняли военно-оборонительные функции, укрывая местное население в случае военной опасности, и служили торгово-обменными, культово-ритуальными и административными центрами округи.

В 30-х годах XVIII в. Г. Ф. Миллер пытался разыскать аборигенные города и храмы дорусской Сибири. В качестве источниковой базы раннего периода он, кроме летописей, использовал также грамоту Ивана IV от 1557 г. о сборе дани по всем югорским городкам. Автор стремился установить местоположение ста-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

7. ок. **Сабуров Семен Федорович** (1599–1601), **Сабуров Семен Федорович (Папин, Вислоухов)** (ок. 1550–1601, Тобольск), тобольский воевода в 1599–1601. Зимой 1572–1573 в чине сотенного головы сражался под Пайдой, сообщил Ивану IV о ее завоевании, за что был пожалован кормлением на Белой. В 1578 сопровождал запасы хлеба из Новгородка в Куконос, потом воеводствовал в Алысте, Ракоборе, Торопце (где вел переговоры с поляками), Белой, участвовал в подавлении восстания «черемись». В 1586 основал Воронеж, а следом — Цивильск. Будучи дворянином московским, являлся воеводой в Ливнах и Орешке. 4 апреля 1591 г. был пожалован в окольное, в том же году оборонял Москву от крымцев, находясь в артиллерийском обозе. Позднее принимал участие в походе против шведов, верстал новиков разных городков, воеводствовал в Чернигове (1595), раздавал государю жалование в Смоленске и приводил его жителей к присяге царю Борису (1597, 1598). Посылался в Сер-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

пухов для отражения возможного нападения татар. Имел двор в Кремле, земли в Московском, Ржевском и Новоторжском уездах. В годы тобольского воеводства способствовал крещению «иноверцев» в Кодском княжестве. Принял деятельное участие в организации похода отряда князя М. М. Шаховского на р. Таз. Вдова С. Ф. Сабурова Анастасия снарядила двух всадников в поход на самозванца осенью 1604. Лит.: Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) СПб., 1992; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1994; Солодкин Я. Первый «думный человек» на сибирском воеводстве // Югра. 1999. №6; Он же. Первые воеводы и головы Воронежа // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8.

Я. Г. Солодкин

рых городков, ставших известными по летописным источникам. Среди многочисленных поселений им был осмотрен и бывший городок Самара.

В конце XVI в. территория, прилегающая к месту слияния Иртыша и Оби, относилась к небольшому Белогорскому княжеству, которое было известно своими святилищами и оракулами, где верховным божеством считался Белогорский шайтан (идол). По сведениям П. Н. Буцинского, «...у остяков и вогулов особо почитался «Старик Обский», который находился при владении Иртыша в Обь, недалеко от Самаровской деревни...». Б. О. Долгих, изучая родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., установил границы территории Белогорской волости. «Вниз по Оби, — писал ученый, — она ограничивалась местоположением Сухоруковских юрт, принадлежавших уже Ендырской волости. Вверх по Оби район устья Иртыша осваивали еще остяки Муалымского городка Белогорской волости, но район устья Назыма (Мозыма) осваивали уже остяки Темлячевской (Базьяновской) волости Сургутского уезда. Вверх по Иртышу район Самарова осваивать должны были остяки Белогорской волости, так как здесь жил во времена Ермака глава Белогорской волости князь Самар». По данным С. В. Бахрушина, центром Белогорского княжества была недоступная крепость — Белогорский городок, который был «выкопан в высоких горах», в 15 верстах от большого устья Иртыша. В источниках первое упоминание о нем относится к 1582 году. В работе Г. Ф. Миллера указано, что «...Белогорский городок получил свое название от кажущихся белыми гористых берегов Оби».

В начале 1582 г. князь Самар предпринимает меры по укреплению Белогорского городка и размещению здесь своей резиденции с целью противостояния русским в Приобье. По данным летописи, Самар вместе с 8 князьями в мае 1582 г. в течение трех дней успешно отражал в этом городке штурм казаков. После гибели Самара русские источники прежний Белогорский городок стали называть Самаровым городком.

В целях закрепления территории Нижнего Прииртышья и Приобья за Москвой казаки перенимают бытующую среди коренных жителей практику возведения городков как опорных оборонительных пунктов. В большинстве случаев строительство русских крепостей осуществлялось на месте прежде бытующих поселений аборигенов, захваченных во время военной осады, ввиду оптимальности их месторасположения. В 1585 г. Иваном Мансуровым в устье Иртыша, близ Белогорского городка, был возведен Обской городок, которому суждено было сыграть важную роль в дальнейшей судьбе административного и политического центра Белогорского княжества — Самарова городка. Н. А. Миненко пришла к обоснованному выводу, что окончательно эти земли были приведены в русское подданство, после того как в 1585 г. здесь появился русский Обской городок.

Что касается дальнейшей судьбы Самарова городка (Самар-Вош), то некоторое время там проживали родственники погибшего князя Самара, которые продолжали играть на Белогорье определенную роль. Так, в конце XVI – начале XVII в. Таир Самаров еще считался здесь князьком, а его сын Байбалака — «лучшим человеком». Но уже дети его — Коял и Петкачей — числились рядовыми остяками.

Вместо Самара атаман Брязга назначил на княжение в Белогорское княжество сына кодского князя Ичигея — Алачу (происхождением из кодских остяков), который выступает уже в качестве верного подданного и наместника Москвы. После гибели Ермака в 1585 г. одна из его кольчуг была помещена в святилище Белогорского шайтана и стала почитаться наряду с другими идолами как святыня. Все это — важные составляющие политики закрепления Приобья за Российским государством.

Было бы логично выяснить причину столь активного противостояния князя Самара казакам. Судя по летописным материалам, его родовой клан соперничал не только с посланцами Ермака, но и с родом коренных кодских князей Алачевых, который издревле княжил на данной территории, включавшей и Кодские городки. На наш взгляд, причиной этих противоречий могла быть вассальная зависимость Самара от сибирского хана. Сам факт экспансии татарских ханов-чингизидов и тайбугинов известен. В главе Есиповской летописи «О промыслении царевича Тайбуги» говорится: «...и по сем же князь Тайбуга проси у царя Чингина отпущения, идеже хошет царь Чингий. И даде ему, князю Тайбуге, многое множество своих воинских людей, и отпусти его, Тайбугу, вниз по реке Иртишу и по великой реке Оби. И поплени Тайбуга тамо живущих, и оттоле возвратися восвояси с радостию великою. Царь же Чингий, слыша, яко покоришася ему по Иртишу реке и по великой реке Оби живущии языци промыслом Тайбуги князя, и даде ему, Тайбуге князю, великую честь от царя Чингия...». Можно с большой долей уверенности предположить, что с этого времени и вплоть до прихода в Сибирь дружины Ермака многие вогульские и остяцкие территориально-племенные объединения Приобья, включая Белогорское княжество, оставались в той или иной зависимости от Сибирского ханства. Наводит на размышление и само имя князя, которое имеет тюркское происхождение.

После гибели Самара вновь назначенный князь Белогорского княжества Алач (Алачей), потомок Ичигея, на основании царского пожалования с 1594 г. «...собирал ясак с двух остяцких волостей на себя, не платя в казну

**Остяк с устья
Иртыша**
Гравюра
по рисунку XIX в.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

8. Шереметев Федор Иванович (1601–1603). **Шереметев Федор Иванович** (ок. 1570–17.02.1650), тобольский воевода в 1601–1603. Сын боярина И. В. Меньшого Шереметева; его сестра Елена была женой царевича Ивана Ивановича. В 1591 участвовал в обороне Москвы от татар, за что награжден полузолотым; год спустя получил дворцовое село Годуново Верейского уезда. В 1598, будучи дворянином московским, отправился на воеводство в Чернигов. Назначение в Тобольск обычно считается почетной ссылкой, в которую Ф. И. Шереметев попал по делу Романовых, приходившихся ему родственниками. При царе Борисе у него конфисковали двор в столице, вотчины в Подмосковье и на Рязанщине. В поход против Лжедмитрия I выставил 60 всадников. Тогда за ним числилось ок. 6 тыс. четвертей. В 1613 имел уже 9214 четвертей старых вотчин. (Его земельные владения располагались в 9 уездах). В 1605 с артиллерией его направили под Кромь, занятые отрядом самозванца, а после неудачной попытки овладеть крепостью перебросили в Орел. В походе

пошлин...». Алач и его потомки издревле занимали видное положение среди остяков. «Так называемые Кодские городки, — писал Г. Ф. Миллер, — под именем которых подразумеваются все прежние укрепленные места остяков и теперешние местечки и волости по реке Оби почти от устья Иртыша до тогдашних границ Березовского уезда, по большей части были им подчинены, а живущие в этой местности остяки долгое время даже платили этим князьям дань, примеров чего не было среди других остяков и подобных им народов».

После подавления князя Самара Белогорское княжество пришло в упадок. С основанием Сургута территория бывшей Белогорской конфедерации, располагавшейся на Оби, и часть земель в устье Иртыша отошли в его ведомство.

Рассматривая дальнейшую историю Обского городка, сыгравшего значимую роль в судьбе князя Самара и его резиденции, приведем данные Г. Ф. Миллера, который при описании Самаровского яма называл и Обской городок как Старый Русский городок — Руш-Ваш. При осмотре его остатков он отметил, что они почти не заметны на поверхности. Мнения историков по поводу судьбы Обского городка расходятся. Традиционно, начиная с Г. Ф. Миллера, принято считать, что после первой зимовки Иван Мансуров со всем своим отрядом покинул его и вернулся на Русь северным собским путем. Однако охранная грамота, выданная царем Федором Ивановичем ляпинскому князю Лугую в августе 1586 г., согласно которой воеводам нового городка на Оби запрещалось «...дани на его городках имати», свидетельствует о существовании этого городка и после зимы 1585–1586 годов. Вероятнее всего, Мансуров оставил в городке часть своего отряда, и русский гарнизон находился там вплоть до 1593 г., когда по царскому указу было предписано перевести его в строящийся новый город Сургут, а сам городок разобрать и сжечь, «дабы он не достался враждебно настроенным аборигенам». С одной стороны, казаки должны были беспрекословно выполнить этот наказ. Но, с другой стороны, было очевидно, что стратегически выгодное расположение Обского городка позволяло им и в дальнейшем осуществлять контроль не только за военной ситуацией, но и за торговыми связями, обеспечивать таможенный контроль над движением основного ресурса Обского Севера — пушнины. Сохранение позиций русских в центре Белогорского княжества способствовало его полной нейтрализации как самого крупного в Приобье административного и военно-политического центра. Неудивительно, что впоследствии на месте Самарова городка (ранее Белогорского городка. — Н. Б.) было основано русское поселение — Самаровский ям. По сведениям С. В. Бахрушина, «...на развалинах хантской крепости Самар-вош вырос затем русский Самаров ям». Г. Ф. Миллер сообщает, что устройство Самаровского яма было связано с просьбой остяков, проживающих по нижнему Иртышу и Оби, которым ямская гоньба «была не в обычай». Как пишет автор, «...остяки жаловались в Москву на трудности

ямской гоньбы между Тобольском, Березовом и Сургутом и просили поставить у них русскую ямскую слободу». Поэтому на восточном берегу реки Иртыша были устроены две ямские слободы — Демьянский и Самаровский ямы.

П. Н. Буцинский основание Самаровского яма, как представляется, вполне обоснованно, относил к 1635 году. «В феврале 1635 г., — отмечал исследователь, — государь указал Пантелею Гирикову прибрать в поморских городах 100 человек ямщиков с женами и детьми и немедленно отправить их в Сибирь для поселения: 50 человек в Демьянской волости и 50 человек — под Самаровскими горами». Миллер полагал, что Самаровский ям возник в 1637 году. Обосновывая свою датировку, он также ссылался на аналогичную царскую грамоту, но более позднюю, из которой следует, что «...в прошлом де 145-м (1637) году по указу отца нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца прибрал их Иван Погожей у Соли Вычегоцкой, в Чердыни и у Соли Камской з женами и з детми в сибирские города в ямские охотники, а посадили их под Самаровскими горами и со 145-го году гоняют они ямскую гоньбу». Тот факт, что Самаровский ям был устроен «по остяцкому челобитью», подтверждает грамота князя Петра Пронского. Необходимо отметить, что в данном случае более аргументирована датировка основания Самаровского яма П. Н. Буцинским, который приводит более ранний документ. Что касается «прибора охочих людей» для переселения в Сибирь, то он осуществлялся регулярно, и Г. Ф. Миллер привел лишь одну из таких грамот — под 1637 годом.

В исторической литературе приводятся разные точки зрения по поводу места расположения Самарова городка и Самаровского яма. Г. Ф. Миллер считал, что Самаровский ям был устроен непосредственно на месте бывшего Самарова городка. «...На Иртыше, — писал он, — оставалось только одно место,

которое надо было еще завоевать. Оно было особенно важно, потому что там имел местопребывание главный князец остяков, живших по Иртышу и Оби, — Самар; по его имени местечко названо Самаровским ямом, так как оно построено там, где жил Самар. Кроме того, Самар имел еще для убежища небольшой городок, остатки которого можно и сейчас еще видеть; этот городок находился на высокой и крутой горе, которая кажется очень близкой от Самаровского яма, если плыть по Иртышу, но если со-

**Жертвенное покрывало
для Мир-сусне-хума**

Бахрушин С. В. Остяцкие княжества в XVI–XVII вв. М., 1935.

Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1956.

Балюк Н. А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX вв. Тюмень, 2003.

Баранов Н. Н., Горшков С. В., Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Миненко Н. А. История ХМАО с древности до наших дней. Екатеринбург, 2000.

Белобородов С. В. Столица северного края: очерки истории Самарова–Остяковогульска–Ханты-Мансийска. М., 1997.

Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом // Сочинения: В 2 т. Т. 1: Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.

Лопарев Х. М. Самарово — село Тобольской губернии. СПб., 1896.

вершить этот путь по берегу, то расстояние будет около двух верст. Я только с большим трудом мог подняться на эту гору со стороны Самаровского яма; со стороны же реки, а также со стороны, которая лежит ниже по реке, на гору совершенно невозможно подняться. Очень может быть, что со стороны суши долинами между прилегающими горами доступ был несколько удобнее. Высоту горы можно считать по отвесу от реки 30–40 сажений. Так как вершина была прежде очень острой, то ее пришлось несколько срезать и обсыпанной землею образовать кругом нее ровное место, как это можно видеть там до сих пор. Нельзя представить себе более простого естественного укрепления. Все место имело не более 10 сажений в поперечнике. Кажется, там стояли только две избы, как можно заключить по двум ямам; избы были построены наполовину в земле, наполовину над землей, сделаны из досок и, по тогдашнему обыкновению остяков, покрыты землею. Такие избы встречаются у них теперь очень редко. Из описания места видно, что оно могло служить в тревожное время убежищем не более как одной семье с ее челядью. На основании этого можно судить о подобных же нескольких остяцких укреплениях, которые имели своей задачей во время вражеского нападения дать безопасный приют женам и детям остяков вместе с лучшими их пожитками. Сами же остяки не прятались в такие городки, а встречали недруга в поле или в своих юртах».

Кроме Самарова-городка, автор также сообщает о юртах князя Самара. Им описаны события, которые произошли близ юрт князя Самара 20 мая 1582 г.: «...казаки подошли к юртам князя Самара. Они поехали по небольшой протоке реки Иртыша, которая теперь называется Казенной протокой и лежит подле восточного берега (по ней ездят обычно весной во время высокой полой воды). Так как эта протока вблизи Самаровского яма опять соединяется с Иртышом, то казаки доехали по ней прямо к остяцким юртам. Дело проходило рано утром, и они нашли на берегу только спящий караул, который был тут же перебит. Самар

**Ханты-Мансийск
строится**

с восемью другими князьями, призванными им на помощь, проснулся от шума и хотел со своими людьми оказать сопротивление, но тотчас же был убит казаками. Это так напугало остальных, что они обратились в бегство, а немногие оставшиеся простые остяки [не оказали] никакого сопротивления, обещали покорность и обязались платить ясак. Казаки полагали, что бежавшие понемногу опять вернутся назад, и потому оставались здесь целую неделю. Летопись рассказывает только об одном богатом остяцком князе, Алаче, которого Брязга поставил вместо Самара как главного над всеми тамошними остяками. Впоследствии мы увидим, что Алач и его потомки занимали видное положение среди остяков. Так называемые Кодские городки, под именем которых подразумеваются все прежние укрепленные места остяков и теперешние местечки и волости по реке Оби почти от устья Иртыша до тогдашних границ Березовского уезда, по большей части были им подчинены, а живущие в этой местности остяки долгое время даже платили этим князьям дань, примеров чему не было среди других остяков и подобных им народов».

По мнению С. В. Бахрушина, Самаровское городище — это древнее поселение, которое находилось на Каменном (Кладовом) мысу близ Самарово на высокой террасе Иртыша. В коллективной монографии уральских исследователей приведены данные о том, что собственно «...Самаровский ям находился поблизости Самаров-городка, который дал название яму». Авторы пришли к выводу, что на более раннем этапе здесь располагалось остяцкое поселение Тунг-пох-вош, которое до конца XVI в. являлось центром Белогорского княжества.

Итак, историческими истоками современного города Ханты-Мансийска можно считать: до XV в. — культовое место, святилище — «великий съезд» — Тунг-пох-вош (Крепость святого сына); до 1582 г. — Белогорский городок (Белогорские юрты); с 1582 г. — Самаров городок; до 1635 г. — остяцкие юрты Самаровские; с 1635 г. — русское поселение Самаровский ям. Эта схема довольно условна, так как первую точку отсчета в истории этого поселения еще предстоит определить. Теперь слово за археологами...

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

Лжедмитрия I к Кромам и Туле участвовал уже в чине боярина. Был вовлечен в заговор против «фасстриги». В 1608 послан к мятежной Астрахани, затем во главе рати, пополнившейся служилыми людьми «понизовых» уездов, разбив «воров» под Чебоксарами и Свияжском, через Нижний Новгород, Муром, Касимов, Владимир двинулся на соединение с войсками М. В. Скопина-Шуйского, которое произошло в Александровой слободе; потерпел поражение близ Суздаля. В 1610 ездил к царю Василию с просьбой оставить престол. Во время «междоусобия» входил в состав боярского правительства, возглавлял Казенный двор. В начале 1613 был среди претендентов на трон; по решению земского собора ездил в Кострому упрашивать Михаила Федоровича принять скипетр. В 1615 посылался из Москвы на помощь осажденному шведами Гскову, но в Ржеве Владимировой был окружен «лисовчиками» и отступил. Участник заключения Деулинского пере-

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999.

Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1975.

Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольской губернии. СПб., 1892. Ч. 1–2.

Патканов С. К. Сочинения: В 2 т. Тюмень, 1999.

Повесть временных лет. М., 1926.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926.

ПСРЛ. Т. IV. М., 1948.

ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. М., 1987.

Ремезов С. У. Краткая Сибирская летопись Кунгурская. СПб., 1880.